

НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА ТРУБИЦИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры историко-культурного наследия Института истории и культуры, Елецкий государственный университет (Елец, Российская Федерация)

trubicina-nat@mail.ru

ВЗГЛЯД НА ПРОВИНЦИЮ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ М. М. ПРИШВИНА «КАЩЕЕВА ЦЕПЬ»

Статья посвящена специфике репрезентации и интерпретации художественного образа провинции с точки зрения автобиографического героя в романе Михаила Пришвина «Кашеева цепь». В произведении представлена пространственная, культурная и духовная специфика русской (черноземной и сибирской) и немецкой провинциальных земель. Образ провинции у Пришвина – феномен и метафора одновременно. Представленная как феномен, она имеет свое «лицо», историю, ландшафт, местный колорит и атрибутирована в тексте доминирующими символическими комплексами и эмблематичными локусами. Провинция как метафора реализует себя посредством основных компонентов «провинциального текста», которые имеют как положительные, так и отрицательные коннотации. Мы приходим к выводу, что в «Кашеевой цепи» доминирует взгляд на провинцию как «родную землю». Нарастающее сознание автобиографического героя оценивает место не с точки зрения собственного комфорта и благополучия, а как топос национальной судьбы.

Ключевые слова: провинция, аксиология пространства, Пришвин, автобиографический герой

В настоящее время гуманитарные науки проявляют особый интерес к феномену провинции. Как отмечает И. А. Разумова, исследование провинции начиналось «с обсуждения объекта, далее шли к типологии тех текстов, которые репрезентируют это понятие, теперь встает проблема субъекта, сквозь которого реализуется себя понятие провинции, поскольку нам хорошо известно, что быть провинциалом и считать себя провинциалом – это совершенно разные вещи» [3; 324]. Т. В. Цивьян, исследуя феномен провинции и рассуждая о релевантности положения описывающего по отношению к описываемому, приходит к выводу о возникновении «точки зрения»: «Оказалось важным то, куда помещает себя описывающий. В зависимости от этого у него меняется взгляд на пространство и, соответственно, оценка пространства» [6; 8]. Внимание исследователей обращено также и на негомогенность самого понятия «провинция». «Это и *пространство*, расположенное на тысячи верст вокруг Москвы или Петербурга; это и *время*, которое нужно затратить человеку не столько на путь по городам и весям, сколько на преодоление духовных различий с динамичными (а подчас и циничными) согражданами; это и *настроение*, отмеченное мечтательностью и тоской, охватывающее на нешироких улицах, на проселочных дорогах, среди полуоблупившихся простеньких или претенциозных домов», – считают авторы работы «Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры» [1; 130].

Роман М. М. Пришвина «Кашеева цепь» можно отнести к числу художественных автобиографий. Безусловно, писатель не всегда точно отталкивается от биографических реалий, а скорее, как заметит он сам в предисловии, создает «сказку – и очень близкую к моей собственной жизни, и очень далекую» [2; 8]. «Кашеева цепь» имеет достаточно сложную повествовательную структуру. «В романе Пришвина повествование ведется от лица “автобиографического героя”. Его сознание представлено: “натуральным человеком” и маленьким поэтом Курымушкой, “автором” “Кашеевой цепи” начала Октябрьской революции; “автором”, перерабатывающим роман в 1954 г. (главы “От автора”). “Игра” авторского “голоса” позволяет одно и то же место оценить с разных сторон. Имя автобиографического героя также варьируется в тексте: “Пришвин”, “Алпатов”, “Курымушка”, “автор”. Писатель разделяет в своем повествовании переживание момента, эмоциональное впечатление (чаще всего в период детства) и его оценку, философское осмысление (как правило, взгляд с высоты времени). Давнее продолжает жить в художественном опыте автора, оно творится заново здесь и сейчас» [7; 136]. Взгляд на провинцию, таким образом, складывается из репрезентации и интерпретации писателем места и авторской аксиологии культурного пространства, не принадлежащего столицам. Действие в романе разворачивается сначала в деревенской усадьбе, потом – в уездном городе Ельце, далее сибирский город, прототипом которого стала Тюмень, затем Европа, представленная Германией и Францией, Петербург, путь в который

лежал через Москву, и, наконец, возвращение в природу, в лоно деревенской жизни. Главная оппозиция «провинция – столица» у Пришвина не только осложняется образом «другой провинции» – Сибири, но и тесным образом связывается с европейской культурой. Для нас важно определить, что вкладывает в понятие провинции сам автор. Лексема «провинция» и ее словоформы фигурируют в «Кашеевой цепи» не часто, всего шесть раз. Более того, речь ведется не только о русской провинции, но и провинции немецкой, которые, по сути, представляют собой достаточно разные культурные концепты.

Впервые рассказчик обозначает провинцией немецкие земли Тюрингии и Саксонии: «И когда он обернулся в прошлое страны, в провинцию, то на первый план у него выступил не Бисмарк, объединивший все провинции, а веймарский герцог с поэтами Гёте и Шиллером» [2; 300–301]. В данном фрагменте «провинция» – это свободные земли Германии, где Берлин (название федерального округа и города одновременно) является лишь формальной столицей и никак не доминирует над другими территориями государства. Писатель по-своему, как бы в «германском ключе», осмысливает традиционную бинарную оппозицию «столица vs провинция». Берлин для главного героя, в первую очередь, город «политический», куда он приезжает не просто получить высшее образование, но и учиться у немецких социал-демократов. Первое, что поражает русского юношу, это городской ландшафт: «На первых порах Алпатов, конечно, не мог разобраться и понять *что от чего*, все главное, казалось ему, было в этом аромате воды и камня» [2; 262]. Регулярно моющиеся мостовые, серый цвет прямых улиц, спешащий деловой рабочий люд делают столицу Германии просто «большим европейским городом», а доминанты воды и камня напрямую отсылают к символике Петербурга. Отправившись на поиски невесты, Алпатов открывает для себя немецкую провинцию, которую начинает представлять себе со слов квартирной хозяйки: «Не тужите, пожалуйста, не тужите, радуйтесь, что ваша невеста уехала из этого военного каменного Берлина. Йена – моя родина, это чудесный маленький городок, и русскую фрейлейн вы там сразу найдете. Потом она рассказала о какой-то *Зеленой Германии*. Там, в Тюрингенских горах, покрытых милыми лесами, всегда окутанными фиолетовой дымкой, расположились маленькие города, в которых живут садовники, эти города не враждуют с природой, и люди там очень добрые, совсем не такие, как в Пруссии» [2; 294].

Немецкая провинция не несет в себе отрицательных качеств; эпитеты «чудесный», «милые», «маленькие», «добрые» создают идиллический образ края, конституируя его сразу по нескольким позициям – ландшафтным, социальным, психологическим. Однако еще до «Зеленой Германии» русский студент Алпатов имеет возмож-

ность наблюдать комфортные условия, в которых живут немецкие обыватели. В пригороде Берлина, городке Шарлоттенбург, молодой человек снимает комнату у рабочего Отто Шварца и его жены Мины. В квартире социал-демократа Отто над умывальником «под мрамор» он разглядывает полотенце с надписью «Бог есть любовь»: «И ему кажется, что здесь, в этой комнате, весь темный лик русского бога с черными иконами, с лампадами, коптящими усы и бороды изъеденных тараканами угодников божьих, – все это страдание людей и богов на русской земле обернулось в любовь над умывальником социал-демократа, и эта любовь означает: скромная жизнь порядочному человеку в Германии разрешается» [2; 268–269]. Однако Алпатов не испытывает восторга от немецкого мещанского благополучия; на его родине такое может произойти только после «мировой катастрофы», то есть всемирной революции, а пока единственно возможным жилищем для «совестливого человека» он считает «тюремную камеру», откуда сам недавно и вышел.

Одинокая тюремная камера на год – реальный факт биографии М. М. Пришвина, после чего он собственно и попадает учиться в Германию, так как в России все университеты для него были закрыты. В последней главе «Как я стал писателем», включенной в роман уже в 1954 году, автор более близок к реальным событиям своей жизни и сообщает читателям о том, что будучи в Риге студентом политехникума он пришел на «опасную», «практическую» работу в социал-демократическую партию, которой руководил известный революционер В. Д. Ульрих. Однако своего автобиографического героя Пришвин знакомит с марксизмом в родном провинциальном Ельце посредством друга по елецкой гимназии Ефима Несговорова. Прототипом Несговорова стал близкий друг писателя, ельчанин Н. А. Семашко, первый народный комиссар здравоохранения, племянник теоретика и пропагандиста марксизма в России В. Г. Плеханова.

Видение Ельца как провинции понятно из следующего размышления автора: «В самое короткое время Алпатов переменяет свой русский взгляд марксистского провинциального кружка на философию...» [2; 326–327]. Подробно взгляд на елецкую провинциальную культуру мы уже рассматривали в работе «Провинциальный текст: Елец в романе М. Пришвина “Кашеева цепь”» [5]. В настоящей работе для нас важно подчеркнуть, что взгляд на провинцию автобиографического героя сопряжен со становлением его мирозерцания, с новым осознанием непреложных законов жизни.

В начальных главах «Кашеевой цепи» действие разворачивается в усадьбе, находящейся в нескольких верстах от уездного города. Маленький Курьмушка (домашнее прозвище главного героя), естественно, не задумывается –

«провинциал ли он?». Детское сознание насквозь мифично. Главной оппозицией к любому месту, в котором находится юный Алпатов, всегда выступает не реальный топос, а некая метафизическая страна «без имени, без территории». Иницирует фантазию об этом сказочном топосе рисунок с голубыми бобрами, подаренный умирающим отцом. И до тех пор, пока в сознании героя остается представление о вселенском зле как Кашеевой цепи, его путь будет направлен на поиски «страны обетованной», будь то «таинственная Азия», куда гимназистом он совершает побег на лодке по реке Сосне, или «страна золотых гор и белых вод», о которой рассказывает плывущему на пароходе в Сибирь мальчику странник-переселенец. Религиозно-мифологическое сознание Курьмушки претерпевает кардинальные изменения в елецкой гимназии, где с подачи старшего товарища Ефима Несговорова он «еще в четвертом классе додумался бога отвергнуть», выучил Марсельезу и прочел труд английского позитивиста Бокля о законах развития жизни. Теперь на провинцию, в которой живет, Алпатов смотрит с точки зрения «прозревшего» человека: «Раз он идет из гимназии и слышит, говорят два мещанина:

– Смотри!

– Нет, ты смотри!

– Господь тебя покарает!

– А из тебя на том свете черт пирог испечет.

Сразу блеснула мысль Алпатову, что они считаются маленькими в гимназии и их обманывают богом, а ведь эти мещане тоже маленькие, и мужики, и другие мужики соседней губернии, и так дальше, и еще дальше, – значит, их всех обманывают?» [2; 91]. Провинциалы для юного Алпатова – просто обманутые люди, которые причинно-следственные связи определяют для себя совсем «не по Боклю». Мышление гимназиста, безусловно, еще очень одностороннее: во всем, возможно, «виноват царь», но он далеко; тогда виновником обмана можно сделать «умного» (уже имеющего собственную книгу «О понимании») преподавателя географии по прозвищу Козел, прототипом которого стал гимназический учитель Пришвина, русский философ В. В. Розанов. А все знающий марксист Ефим Несговоров, которому в гимназии не дали золотую медаль только «за вольнодумство», поможет овладеть новыми знаниями и всеми навыками революционной борьбы.

До знакомства с марксизмом Алпатов узнает о возможности революционной деятельности в другой провинции – сибирской. После изгнания из гимназии с волчьим билетом (то есть без возможности получить образование где-либо в России) автобиографический герой уезжает к дяде-пароходчику в Сибирь. Город, в котором сможет продолжить образование несостоявшийся гимназист, в романе не имеет названия; в нем легко

угадывается Тюмень, где Пришвин оканчивает реальное училище. Но своего героя писатель помещает учиться в гимназию, причем достаточно необычную. Директор «из ссыльных» внутри своего «казенного» учебного заведения создает «школу народных вождей». Узнав об этом из случайно подслушанного разговора, Алпатов, «первый ученик гимназии», ошеломлен и невероятно расстроен: «Он истратил всего себя в течение трех лет на эти достижения, а они чуть-чуть занимались, только бы переходить из класса в класс, и потихоньку готовили себя к великому делу» [2; 143]. Для него вся ценность сибирской провинции была именно в вольнодумстве ее обитателей, где, по словам дяди, «все с волчьими билетами». Михаила не прельщает перспектива стать наследником богатого и бездетного родственника, свою задачу он видит в деле служения какой-то большой идее: «Для них пусть он будет Алпатов, племянник богатого купца Астахова. Это его теперь больше не будет задевать, рано или поздно он заставит их признать себя и без Астахова и без Алпатова, и потом, может быть, он и будет народным вождем» [2; 145].

Взгляд на Сибирь как провинцию в романе М. Пришвина «Кашеева цепь» подробно рассматривает Е. Н. Эртнер [7]. Она приходит к выводу, что «через анализ и философское осмысление конфликта человека и края может быть обозначен творческий путь самопонимания писателя. <...> Философия места – философия творчества писателя» [7; 140]. В своем фундаментальном труде «Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века» Эртнер сопоставит два взгляда на провинцию – как «ямы и вселенской щели» и как «земли русской». У Пришвина присутствуют оба антитетичных видения провинции, которые можно обозначить как отношение к частному и общему. Когда речь заходит о конкретном локусе, провинция, понятая не как феномен, а как метафора, имплицитно притягивает к себе ряд негативных коннотаций. Если же речь ведется о России вне столиц, то здесь возможно применять термин Эртнер «широкая провинция» или «русская земля».

Как отмечают исследователи, «метафора “русская провинция” при всем своем казалось бы устоявшемся значении может наполняться различными содержаниями в зависимости от своей пары, с которой вступает в разъясняющее сопоставление, причем как содержательное, так и смысловое наполнение будет обоюдным, обновляющим. Например, русская провинция – русская провинциальная культура; или: русская провинция – настроение души; или: русская провинция – срединное положение между столицей и глушью и прочее» [1; 129]. Локусы русской провинциальной культуры репрезентированы и интерпретированы автором с помощью различных символических комплексов и семиотических

текстовых моделей. Так, например, доминирующими символическими комплексами «елецкого текста» выступают «Елец купеческий» и «Елец православный», а геоэпозитическими символами Сибири становятся «степь» и «тайга» (подробнее см. [5] и [7; 112–141]).

Как локальный текст авторского типа присутствует в романе и «Петербургский текст» [4], эксплицированный в произведении пресуппозициями ценностно-интерпретационного характера, среди которых не последнее место занимает и оппозиция «столица vs провинция». Несмотря на то, что появившийся в Петербурге Алпатов позиционирует себя как человека, прошедшего «немецкую школу» и имеющего диплом о высшем образовании германского университета, отец невесты, статский советник П. П. Ростовцев, сразу распознает в нем провинциала: «– Скажите... – улыбнулся Петр Петрович, – вы не совсем уже юноша и отличный работник, до чего же, значит, можно за границей консервироваться. Кроме того, я думаю, вы происходите прямо от матушки сырой земли.

Алпатов вспомнил, что рассказывала ему Инна об отце, что сам он из купцов, был Чижигов и стал Ростовцевым и потом для графини своей стал генералом. И почти с гордостью он сказал:

– Я происхожу из купцов.

– Так я и знал, и еще догадываюсь, – наверно, вы до заграницы бунтовали...

– Как это вы можете догадываться, ваше превосходительство?

– Очень просто: никто из приходящих ко мне за местом в департаменте не говорил еще мне: “Беда – это вызов к борьбе”. Только не думайте вовсе плохо о бюрократии: Петербург высасывает из страны все лучшее, и оно уже потом здесь хиреет. И если с этим вздумать бороться, то надо уничтожить весь Петербург» [2; 405].

Антитеза «Петербург / коренная Россия» встречается в романе и раньше. Встретившись в Германии со своей невестой, родом из Петербурга, Алпатов предлагает ей следующее: «А потом, когда мы крепко, по-настоящему полюбим друг друга, то удерем из твоего гнилого Петербурга в настоящую хорошую Россию» [2; 372], заявив перед этим: «Россия – не Петербург, она огромная!» [2; 370]. Это общее восприятие «широкой провинции», «русской земли», потенциально содержащей для героя все возможности настоящей жизни, когда ценности личного характера («коротенькая правда») и социальные, исторические вызовы государства («большая правда») сольются в неразрывном единстве. Ведь Петербург не дает человеку целостности, вся жизнь в нем проходит надвое: для себя – дома, «для бумаг» – на службе. Такое положение дел не устраивает Алпатова, но и «настроение души» родной провинции вызывает у него отторжение.

Мнение о том, что «в провинции у нас совсем не как в столице, у нас тут по-семейному, кровь-то все-таки родная», высказанное елецким сыскным агентом, тайно сопровождающим невыездного Алпатова в Петербург, раздражает героя. «– Вот гуси летят, – сказал краснорядец, – и всем стало весело, а ведь гуси о нашем удовольствии и не мечтают, им некогда думать про Кашееву цепь и спасти людей, им бы только долететь, у них у каждого от перелета мозоль под крылом, не думают, а спасают: всем удовольствие, все стали веселые и добрые.

– Где вы научились своей философии?

– В полицейском управлении, – спокойно ответил краснорядец, – на должности агента по делам политическим» [2; 432–433].

Провинциальная философия фискала-красноярца вызывает в герое не просто «глухую злобу», но и заставляет его совсем разочароваться в социуме и «уйти в природу». Он сходит с поезда на неизвестном глухом полустанке, между провинциальным Ельцом и столичным Петербургом. Мечтающий «себя осуществить» в единстве «хочется и надо», автобиографический герой не находит для этого подходящего места. Выход из собственной маргинальности (ощущения себя ни провинциалом, ни петербуржцем, ни европейцем) Алпатов видит в «бегстве в природу», в лес, который брачными играми птиц и зверей открывается ему как новая родина.

Таким образом, в романе «Кашеева цепь» автором представлена пространственная, культурная и духовная специфика провинции. Образ провинции у Пришвина – феномен и метафора одновременно. Как феномен, она имеет свое «лицо», историю, ландшафт, местный колорит и представлена доминирующими символическими комплексами и эмблематичными локусами. Провинция как метафора реализует себя посредством основных компонентов «провинциального текста», которые имеют как положительные, так и отрицательные коннотации. Мы видим, что в «Кашеевой цепи» доминирует взгляд на провинцию как «родную землю». Эта «широкая провинция» (Эртнер) является для Алпатова местом, потенциально богатым в духовном и культурном смыслах. Нарастающее сознание автобиографического героя оценивает место не с точки зрения собственного комфорта и благополучия, а как топос национальной судьбы. «В чувстве природы таится, как я понимаю, и мое чувство родины, в делах же моих определяется мое отечество. Проще говоря, все мое странничество, вся моя “охота” исходит из моего чувства родины, а собрание моих сочинений – это мой паспорт в отечество» [2; 479]. Провинция ценна для писателя тем, что довольно ему «взглянуть на любой ландшафт с тем страстным чувством земли, какое было у моей матери, чтобы эта земля стала мне родной» [2; 456].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Злотникова Т. С., Ерохина Т. И., Летина Н. Н., Киященко Л. П. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 126–136.
2. Пришвин М. М. Кашеева цепь // Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. 679 с.
3. Разумова И. А. «Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв.) // Русская провинция: миф-текст-реальность. М.; СПб, 2000. С. 324–334.
4. Трубицина Н. А. Петербургский текст в романе Михаила Пришвина «Кашеева цепь» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 2. Т. 1. Филология. СПб., 2012. С. 26–32.
5. Трубицина Н. А. Провинциальный текст: Елец в романе М. Пришвина «Кашеева цепь» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (18). 2012. С. 156–163.
6. Цивьян Т. В. [Выступление] // Провинция: поведенческие сценарии и культурные роли: Материалы «Круглого стола». М., 2000. С. 3–9.
7. Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. 212 с.

Trubitsina N. A., Yelets State University (Yelets, Russian Federation)

M. M. PRISHVIN'S UNDERSTANDING OF PROVINCE IN AUTOBIOGRAPHICAL NOVEL "KASHCHEEV CHAIN"

The article is devoted to specifics of representation and interpretation of the artistic image of province. Special interpretations are presented by the autobiographical hero of Mikhail Prishvin's novel "Kashcheev Chain". Cultural, spatial, and spiritual specifics of Russian (Chernozem and Siberian) and German provincial lands are provided. In M. M. Prishvin's understanding, the image of province is interpreted as a phenomenon and a metaphor at the same time. Presented as a phenomenon it has its own "face", its own history, its landscape, and its local flavor. The concept of province as a metaphor realizes itself through major components of the studied "provincial text". These components have both positive and negative connotations. We came to a conclusion that in the novel "Kashcheev Chain" the concept of province is predominantly understood as a "native land". The growing consciousness of the autobiographical hero evaluates the place not only from the stand point of his own comfort and well-being but as a topos of national identity.

Key words: province, axiology space, Prishvin, autobiographical hero

REFERENCES

1. Zlotnikova T. S., Erokhina T. I., Letina N. N., Kiyashchenko L. P. Russian province in philosophical discourse: conceptualization metaphor [Russkaya provintsiya v filosofskom diskurse: kontseptualizatsiya metafory]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2014. № 11. P. 126–136.
2. Prishvin M. M. Kashcheeva chain [Kashcheeva tsep']. *Sobranie sochineniy* [Coll. cit.]. In 8 vol. Moscow, 1982. Vol. 2. 679 p.
3. Razumova I. A. "So close to St. Petersburg, but still so far" (Petrozavodsk in the literary and oral texts XIX–XX centuries.) ["Kak blizko ot Peterburga, no kak daleko" (Petrozavodsk v literaturnykh i ustnykh tekstakh XIX–XX vv.)]. *Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'* [Russian province: Myth – text – reality]. Moscow; St. Petersburg, 2000. P. 324–334.
4. Trubitsina N. A. Petersburg text in the novel by Mikhail Prishvina "Kashcheeva chain" ["Peterburgskiy tekst v romane Mikhaila Prishvina "Kashcheeva tsep'"]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Vestnik Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. № 2. Vol. 1. Philology. St. Petersburg, 2012. P. 26–32.
5. Trubitsina N. A. Provincial Text: Elec novel M. Prishvina "Kashcheeva chain" ["Provintsial'nyy tekst: Elets v romane M. Prishvina "Kashcheeva tsep'"]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm State University. Russian and foreign philology]. Issue 2 (18). 2012. P. 156–163.
6. Tsiv'yan T. V. Presentation [Vystuplenie]. *Provintsiya: povedencheskie stsenarii i kul'turnye roli: Materialy "Kruglogo stola"* [Province: behavioral scenarios and cultural roles. Materials "Round Table"]. Moscow, 2000. P. 3–9.
7. Ertner E. N. *Fenomenologiya provintsii v russkoy proze kontsa XIX – nachala XX veka* [Phenomenology of the province in Russian prose of the end XIX – early XX century]. Tyumen, Publishing House of Tyumen State University Press, 2005. 212 p.

Поступила в редакцию 24.02.2015